

<http://LLL21.petrso.ru>

<http://petrsu.ru>

Издатель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Петрозаводский государственный университет»,
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный ежеквартальный журнал
НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: XXI ВЕК

Выпуск 1 (37).
Spring 2022

Главный редактор
Т. А. Бабакова

Редакционная коллегия

Э. Ванхемпинг
О. Грауманн
С. А. Дочкин
З. Б. Ефлова
М. В. Иванова
А. В. Москвина
Е. А. Раевская
Э. Рангелова
В. В. Сериков
И. З. Сковородкина
А. П. Сманцер
И. И. Сулима
И. В. Филимоненко

Редакционный совет

А. Г. Бермус
Е. В. Борзова
А. Виегерова
Е. В. Игнатович
А. Клим-Климашевска
А. И. Назаров
Е. И. Соколова

Служба поддержки

С. А. Кадетова
Т. А. Каракан
А. Г. Марахтанов
Е. В. Петрова
Е. И. Соколова

ISSN 2308-7234

Свидетельство о регистрации СМИ Эл. № **ФС77-57767** от 18.04.2014

Решением Президиума ВАК журнал включен
в Перечень рецензируемых научных изданий (с 09.08.2018 г., «Педагогические науки»)

Журнал зарегистрирован в информационных системах РИНЦ (договор 473-08/2013)
и ERIN PLUS (18.06.15)

Адрес редакции

185910 Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Анохина, д. 20, каб. 208
Электронная почта: LLL21@petrsu.ru

© ФГБОУ ВО «ПетрГУ»
© авторы статей

ВАНХЕМПИНГ Элина Геннадьевна

PhD (социальная философия), профессор
Скандинавский институт академической мобильности
(г. Сейнайоки, Финляндия)

treningcom@mail.ru

«ФРИКАТИВНО-ФЕЙКОВЫЙ» КЛАСТЕР ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ СЕРВИСОВ КАК ФЕНОМЕН ДЕСТРУКЦИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ПРАКТИК: ИСТОКИ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация: в статье анализируются системные истоки и глубинные причины формирования «фрикативно-фейкового кластера» суррогатных студенческих работ в русскоязычном образовательном пространстве. Данный феномен рассматривается как симптом «социальной болезни», требующий комплексного профессионального решения. Представлены результаты международного компаративного исследования узнаваемости данного кластера и наличия спроса на его услуги в России, Казахстане, Финляндии. В качестве методологических оснований формирования данного феномена позиционируются социально-экономические и аксиологические детерминанты проблемы. Особое внимание уделено обоснованию круга лояльных экспертов для конструктивного решения проблемы как превенции эскалации негативного контента о выдающемся статусе русскоязычной высшей школы и науки на мировой арене.

Ключевые слова: «фрикативно-фейковый» кластер, суррогатное авторство, академический гострайтинг, провокационные триггеры, трансформации образования, деструкции повседневных университетских практик, экспертный круг профессионалов, русскоязычная наука и высшая школа.

Дата поступления: 11.02.2022

Дата публикации: 26.03.2022

Для цитирования: Ванхемпинг, Э. Г. «Фрикативно-фейковый» кластер вспомогательных академических сервисов как феномен деструкций университетских практик: истоки проблемы и пути решения / Э. Г. Ванхемпинг // Непрерывное образование: XXI век. – 2022. – Вып. 1 (37). – DOI: 10.15393/j5.art.2022.7424.

Elina G. VANHEMPING

PhD in social science, professor
Scandinavian Institute for Academic Mobility
(Seinäjoeki, Finland)

treningcom@mail.ru

«FRICATIVE-FAKE» CLUSTER OF ADDITIONAL ACADEMIC SERVICES AS A PHENOMENON OF UNIVERSITY PRACTICES DESTRUCTION: PROBLEMS AND WAYS OF SOLUTION

Abstract: the article discusses the systemic prerequisites and deep sources of the formation of a «fricative-fake cluster» of surrogate student works in the Russian-speaking educational space. This phenomenon is considered as a symptom of a «social disease» that requires a comprehensive professional solution. The article presents the results of an international comparative research of the recognition of this cluster and the demand for its services in Russia, Kazakhstan, and Finland. Socio-economic and axiological determinants of the problem are positioned as methodological foundations for the formation of this phenomenon. Particular attention is paid to selecting a number

of loyal experts for a constructive problem solution as a prevention for the negative content escalation about the outstanding status of Russian-speaking higher education and science on the world stage.

Keywords: «fricative-fake» cluster, «surrogate» authorship, academic ghostwriting, provocative triggers, educational transformations, destruction of university practices, expert circle of professionals, Russian-speaking science and higher education.

Received: February 11, 2022

Date of publication: March 26, 2022

For citation: Vanhemping E. G. «Fricative-fake» cluster of additional academic services as a phenomenon of university practices destruction: problems and ways of solution. In: *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek [Lifelong education: the 21st Century]*. 2022. № 1 (37). DOI: 10.15393/j5.art.2022.7424.

Автор данной статьи, имеющая честь быть членом редакционной коллегии журнала «Непрерывное образование: XXI век», долго размышляла над тем, какой материал из своих многочисленных исследований взять за основу в юбилейном для журнала году.

Выбор пал на рефлексивные размышления о проблемах, понимание которых доступно только профессионалам, включенным в университетские практики, равнодушным к перспективам развития русскоязычного образования и науки на мировой арене. Речь в статье пойдет о том, что целесообразно озвучивать только в профессиональной среде профессорско-преподавательского состава университетского пространства, преподающего на русском языке и понимающего специфику русскоязычного высшего образования и науки. Лишь в этом случае поднятая в данной статье проблема будет правильно услышана и, как следствие, увидены конструктивные и системные пути ее решения. Эта статья – приглашение к дискуссии, к проектному фандрайзингу, к форсайтному диалогу заинтересованных экспертов-профессионалов сферы русскоязычного высшего образования и науки.

В данной статье изложен авторский подход к осмыслению феномена «фрикативно-фейковый кластер» как одной из сторон «академического гострайтинга». Термином «academic ghostwriting» обозначается написание академических текстов по заказу. В статье указанный феномен рассматривается в социологической аналитической традиции рефлексии повседневности провайдерского и пользовательского сегментов данной услуги в русскоязычном образовательном пространстве во всем ее многообразии и разнообразии.

Специфика проблемы и актуальные ракурсы ее критического анализа. Весьма прагматичный и глубоко утилитарный подход стал определяющим в мотивационной и оценочной детерминантах выбора образовательной траектории ряда студентов. Согласно этому подходу диплом о высшем образовании, ученой степени рассматривается его потенциальным обладателем не как сертификат, подтверждающий уровень подлинных профессиональных компетенций особого уровня, а как необходимый бюрократический документ констатации статуса, который позволит его владельцу улучшить сначала свое резюме, а потом, вероятно, и свою карьеру.

Спрос на фактические компетенции, профессиональные навыки, которые осваиваются в ходе обучения в вузе, в программах аспирантуры и докторантуры, вытесняется фрикативно-деформационным спросом на утилитарное обладание дипломом о высшем образовании, дипломом об ученой степени. Нужны не компетенции, нужен диплом. Такова данность нынешнего времени, и она требует своего объективного и неполитизированного осмысления. Но не следует спешить с прямолинейными негативными оценками очевидной девиантности. Фрикативно-фейковый кластер – это симптом «социальной болезни» образовательного пространства. Важно найти его причины, глубинные, системные истоки, попытаться изыскать путь, как можно «вылечить» «социальную болезнь», которая спровоцировала такой симптом в образовательном пространстве.

В современном поле учебно-академических взаимодействий в сфере высшего образования русскоязычного пространства фиксируется заметное развитие сферы услуг, связанных со специфическими видами помощи студентам. Репертуарный ряд этих вспомогательных академических сервисов выходит за этические и когнитивные рамки классического репетиторства, равно как и иных видов дополнительных занятий, направленных на усиление компетенций, знаний, учебных навыков обучаемого.

Речь идет об услугах, в которых сосредоточены активитеты выполнения за студента, магистранта, докторанта заданий научно-исследовательского характера, предписанных ему учебным регламентом университета. Предоставление услуг по написанию за автора курсовых, дипломных и диссертационных работ, к сожалению, поставлено на поток в русскоязычном пространстве. Данный кластер услуг мы именуем как «фрикативно-фейковый». Продукты, которые предлагаются в рамках этой ниши рынка образовательных услуг, пользуются спросом у контингента обучаемых, ориентированных именно на обладание дипломом о высшем образовании, об ученой степени как таковыми.

Такая мотивация, с одной стороны, демонстрирует критическое искажение, деформацию, некую мутацию, «фрикативность» целевого предназначения образовательного процесса в целом. С другой стороны, в них заключена имитация научной и учебной деятельности, несоответствие действительности с точки зрения авторства и самостоятельности, явный «фейк» в части соответствия квалификационного уровня самой работы и того, от чьего имени она подается для итоговой государственной аттестации.

«Фрикативность» и «фейковость» в научно-исследовательских продуктах, подаваемых как авторская самостоятельная работа студента, магистранта, докторанта, – это очень тонкая, деликатная, многокомпонентная тема, требующая глубокого и разностороннего изучения.

Степень разработанности проблемы. Феномены академической непорядочности, имеющие место в университетской среде в виде «суррогатного» авторства студенческих учебных и научно-исследовательских работ, являются предметом аналитического внимания многих отечественных и зарубежных экспертов сферы образования и науки [2; 3; 5; 6; 7; 8; 11; 13; 15; 17].

В аналитическом дискурсе касательно заявленной темы преобладает критически обличительный подход с позиций этического и нормативного деструк-

та с применением категорий этики. В ряде исследований данный феномен рассматривается только как показатель непорядочности и нечестности, минимализирована оценка целевой мотивации акторов этого процесса во всем его стейкхолдерском многообразии. Такие аспекты рассмотрения феномена «academic ghostwriting» в русскоязычном образовательном пространстве, безусловно, актуальны и научно обоснованны. Но они пополняют и без того уже переполненную «корзину» разрушительно-критического контента на предмет русскоязычной высшей школы. На взгляд автора, критика русскоязычного образовательного пространства может в конечном счете достигнуть той радикальной точки бифуркации, когда технология – энергично «ругать свое» и «хвалить чужое» – приведет к необратимым процессам обвала рейтинга, статуса, достижений всей русскоязычной науки и высшей школы в целом.

Автор в данной статье публикует некоторые проблемные коннотации на основании аналитического подхода, который развивается в рамках научной школы русскоговорящих исследователей Скандинавского института академической мобильности. Речь идет о поиске форматов конструктивной аналитики трансформационных процессов в университетских практиках постсоветских стран. Этим проблемам посвящены статьи и монографии Скандинавского института академической мобильности и его научных соратников в 2016–2021 гг. В данной статье предлагается авторский контент относительно неполитизированного и созидательного поиска оптимальных путей решения болезненных проблем образовательного поля без огульной критики и перечеркивания предыдущего опыта. Принципы профессионализма, научной компетентности и политической неангажированности имеют ключевое методологическое значение в выборе сохраняемых и полезных путей решения острых проблем русскоязычного пространства высшего образования и науки.

Авторская рефлексия и аналитика проблемы. Представление субъектами студенческого контингента купленных ими на рынке фрикативно-фэйковых образовательных услуг учебных и исследовательских работ превращают учебный процесс, акторами которого они выступают, в имитацию и перформанс.

Преподаватель вынужден оценивать, выстраивать аттестационное взаимодействие на основе текста, не являющегося результатом мыслительных усилий студента. Педагог пытается вести с ним паритетный диалог, выявлять ту или иную авторскую позицию, какие-то иные специфические аспекты раскрытия темы, включая анализ содержательных ошибок и оформительских технических несоответствий. И это начинает напоминать плохой спектакль в театре абсурда. Студент в силу своего интеллектуального и коммуникативного ресурса изображает, насколько это у него получается, свое понимание и включенность в учебный диалог. Чаще он может высказать определенные возражения, опираясь на рекомендации со стороны исполнителя работы.

Далее, получив замечания от научного руководителя, обучаемый перенаправляет их вновь к исполнителю его учебного или исследовательского произведения. А тот, в свою очередь, прежде чем исправить замечания, дает специфическую характеристику научному руководителю, заявляя, что он, согласно субъективной оценке исполнителя из фрикативно-фэйкового кластера (далее –

ФФК), или придирается, или, возможно, вообще чего-то не понимает. В развитии диалога с научным руководителем студент с фейковой работой суфлерски транслирует заданный ему «исполнителем» текст, а также формирует свое отношение к учебному диалогу по обсуждению аттестационной работы как к досадной фрустрации, препятствию.

Такие специфические диалоги, выстраиваемые в рамках деформационных траекторий вспомогательного фрикативно-фейкового академического сервиса выполнения, снижают авторитет вуза, понижают мотивацию вузовской профессуры и роняют эффективность университетского процесса в целом. Научно-исследовательская работа в процедурной динамике вышеобозначенных кейсов превращается в классический фейк. Академический диалог, дидактический, научно-исследовательский процесс лишаются своего изначального смысла как процесс приращения знаний, освоения профессиональных компетенций и сводятся к фрикативной сертификации ради обладания сертификатом.

Крайне печальна университетская практика, когда некоторые преподаватели принимают участие в академическом гострайтинге как поставщики таких услуг. Низкие заработные платы профессорско-преподавательского состава, недостаточная мотивация некоторых студентов к самостоятельному освоению учебных письменных заданий способствуют процветанию «заместительных» практик по написанию студенческих работ и становятся провокационными предпосылками ухода ряда представителей вузовских преподавателей в этот сектор образовательных сервисов.

Методологические основания: социально-экономические и аксиологические детерминанты проблемы. Существенной доминантой таких фрикативных исходов является экономический фактор. Этическая сторона жестко вытесняется социально-экономической доминантой на уровне жизненной необходимости.

На взгляд автора, формирование устойчивой ниши на рынке сопровождения университетского процесса услугами по написанию «под ключ» курсовых, дипломных и диссертационных работ является следствием смены ценностных установок в общественном сознании и переноса доминанты целевого предназначения высшего образования в целом.

В условиях повседневной реальности вузовских практик это проявляется в критических сбоях, деструктивных отклонениях в траекториях освоения знаний и компетенций в рамках выполнения предписанных самостоятельных работ. Институт высшего образования рассматривается как возможность получения только диплома как такового для усиления своего резюме и личной самостоятельности. Не случайно обладателей нескольких дипломов о высшем образовании с начала 2000-х гг. все больше и больше. Возможно, работают стереотипы, в рамках которых самооценка напрямую связана с наличием диплома о высшем образовании. И чем больше у человека дипломов, тем выше его самооценка. Включая и дипломы об ученой степени.

Кроме того, феномен процветания ФФК на рынке образовательных услуг свидетельствует и об уровне морально-правовой культуры людей, в этические установки которых вписываются деструкции обмана, мошенничества, жульни-

чества. Каноны и стереотипы «шейма» (*shaming, shame* от англ. – стыдить, позорить, стыд) критически «перезагрузились» в условиях существования общества массового потребления.

Нравственные категории «стыд», «совесть» являются предметом научного познания в течение всего развития философско-мировоззренческой мысли.

Одним из ключевых триггеров качества индивидуальной самооценки, важнейшей частью ее механизмов является переживание чувства стыда. Когда какие-либо поступки, личностные свойства, имущественное положение, внешняя атрибутика социального статуса человека, по его мнению, не соответствуют некому социально заданному стандарту, он испытывает чувство стыда. Речь идет о болезненном переживании в связи с диссонансом между «Я» идеальным и «Я» реальным.

На эмоциональном уровне чувство стыда выражается в ощущении собственной приниженности, даже отвратительности. Причиной такого разрушительного чувства является тот факт, что поступки или свойства личности стали предметом осуждения, презрительного отношения, насмешки со стороны окружающих [9].

Социально-психологический феномен чувства стыда фрикативно трансформировался в сферы, детерминированные знаковой, «вещевой» символикой социального статуса, демонстрируемого брендами во всем их разнообразии. На фоне низких доходов населения в целом, зарплаты, которой с трудом хватает на предметы первой необходимости, «перекачан» именно в материальную сферу феномен «шейма».

«У меня было мало моральных сил сопротивляться всему этому и потихоньку начался настоящий “шейминг” из-за того, что у меня нет денег, что я донашиваю вещи старшей сестры, что я не хожу с одноклассниками на платные экскурсии в горы, музеи и прочее» [10].

В месиве «ситкомов», включая и приличные продукты кинематографического творчества, в шоу-бизнесе массово транслируются мощные слоганы «перезагрузки» общественного сознания на предмет того, что стыдно. Обильное применение в вышеназванных информационных потоках оскорбительного глоссария, фиксирующего прямую взаимосвязь того, что это есть стыдно, если не обладать высоким материальным статусом, определенным набором статусных атрибутов, воздействует на сознание масс.

«Нищоброды», «ущербные» – эти унижительные эпитеты широко применены в диалогах ведущих медийных персон, звезд шоу-бизнеса, в сценарных коллизиях многочисленных сериалов и иных продуктов визуального ряда, активно осваиваемых населением. «Спуститься в метро» – стыдно. Жить за пределами Садового кольца или в неэлитном районе «за МКАДя» – стыдно, не иметь автомобиль – стыдно.

Герой сериала, приехавший из областного центра, к примеру из Челябинска, Новосибирска, Оренбурга, трактуется во многих ситкомах зачастую как некая уязвимая, ущербная фигура из глухой «провинции», «захолустья». И только Москва, иногда Петербург «сделали из него человека». Что же тогда говорить о жителях малых городов и сельской местности? Расшатывание полез-

ных стереотипов самодостаточности жителя села, глубинки присутствует в данных медийных меседжах весьма явно.

Автор этих строк, много лет проживший в Петербурге, с болью фиксирует социально-антропологическое несоответствие между массовым стилем жизни современных жителей этого выдающегося знакового города России и тем художественным образом, который создается в кинематографических продуктах.

Уже много лет транслируемая риторика из СМИ, соцсетей, рекламных компаний «заточена» на продвижение нового видения нравственных категорий «стыд» и «совесть». Это далеко не пафосные вещи, это социальная реальность обыденной повседневности.

Данная этическая рефлексия присутствует на страницах статьи в связи с исследовательской задачей выяснения морально-нравственных регуляторов, детерминирующих расцвет фрикативно-фейкового кластера суррогатного авторства в постсоветских странах, причем как со стороны ее пользователей, так и со стороны провайдеров.

Оправдание любых средств для достижения цели. «Цель оправдывает средства». На латыни этот прагматично-циничный тезис звучит как «*Liber theologiae moralis*». На английском языке – «*The end justifies the means*». Это старинное выражение возникло в нравственном каноне ордена иезуитов и стало их девизом еще в 1644 г. Этическая казуистика Средневековья актуализировалась в массовом сознании граждан постсоветских стран в условиях трансформаций начала XXI в. Это не могло не сказаться на появлении новых форм спроса и предложения в тех сегментах рынка услуг, где можно закрепить свой статус либо изыскать финансовые средства для повышения уровня доходов хотя бы до реально достаточного уровня.

Продвижение банковских услуг «жизни в долг» в качестве «заместительной терапии» унизительному дискомфорту нехватки денег и низкой самооценки в связи с отсутствием актуальной атрибутики формирует особый социальный слой граждан.

Автор приводит ниже рефлексивный пост из блога, написанного еще в 2012 г. Инсайтным триггером такого контента послужили нескончаемые предложения услуг кредитования от банков, с одной стороны, а с другой – увеличение количества студентов, представляющих на проверку фрикативно-фейковые произведения суррогатного авторства по причине того, что им надо много работать, чтобы выплачивать кредитные долги. Следует заметить, что в 2022 г. степень интервенции долгового сервиса, включая его разнообразие, стала намного сильнее и изощреннее, чем в 2012 г.

«Люди, берущие кредит по непосильным возможностям и под залоги единственных квартир своих семей, становятся так называемыми “экономическими шахидами”, писал автор в своем блоге еще 10 лет назад. Они готовы на все, только чтобы их семьи не выгнали на улицу из “ипотечного” жилья, не отобрали машину, не принуждали выплачивать ежемесячные платежи, которые порой равны сумме зарплаты.

Поэтому в условиях тотального кредитования населения на фоне процветания общества массового потребления, детерминирующего обвал нравствен-

ных ценностей, безопасность индивида, общества обваливается так же. Формируется еще более сложно идентифицируемый в толпе прототип происламистского шахида – кредитно-зависимый “шахид”. Он бесследно растворен в “офисном планктоне”, как лист в листве. И еще бесследнее и незаметнее он “растворен” среди “новых бедных”: учителей, ученых, врачей, военных. А если он из поколения “Духлесс”, когда в сознании, заточенном “геймерским”, “сетянским” детством и отрочеством под “раз – два – пришел – увидел – убил – победил”, “глюкает” одна единственная ценность – деньги, то такого «экономического шахида» и не распознать, и не догнать. И ничто его не “тормозит”. Главный вопрос – цена вопроса».

В этом эмоционально резком, но пронзительном посте фиксируются исходные предпосылки появления ФФК в сфере образовательных сервисов и обозначаются причины вынужденного исхода в состав их провайдеров некоторых представителей вузовского профессионального корпуса.

Проблемы социально-экономического неравенства в сочетании с перенастройкой нравственного стандарта, протекающие в условиях агрессивных техник в предложении кредитов и массовой рекламы статусных дорогостоящих атрибутов личностной самодостаточности, формируют весь комплекс детерминант, который мутантной сублимацией нашел в итоге свое девиантное выражение в становлении и процветании кластера фрикативно-фейковых образовательных услуг.

Мы стараемся быть максимально корректными и исследуем этот феномен, не углубляясь в оценочные дефиниции. Изучение феномена покупательского спроса на фрикативно-фейковые услуги в сфере «заместительных» образовательных сервисов актуально с точки зрения уяснения именно объективных причин таких запросов и казусов, которые уже не единичны, а многочисленны и, в определенной степени, даже закономерны.

Итак, спрос порождает предложение. Целая группа покупателей на рынке услуг ФФК состоит из студентов, иных категорий обучаемого контингента, которым «нужен диплом», подтверждающий статус профессионала с высшим образованием. Речь идет о получении документа о сертификации, в котором закреплена конкретный социальный статус. Как мы уже выше отметили, обычно самому заказчику такой услуги либо некогда самостоятельно выполнять работы, предписанные регламентом учебного, научно-исследовательского процесса, либо его интеллектуального потенциала недостаточно для выполнения задач такой степени сложности.

Возможно, это детерминировано и сложностью заданий, перенасыщенностью по академической нагрузке, несогласованностью со временем общей занятости студента. Немаловажным фактором является информированность о том, что есть спектр услуг «заместительного авторства».

В странах с высокой правовой культурой населения, с традиционной смысловой составляющей нравственных категорий «стыд» и «совесть» в массовом общественном сознании, прочными привычками законопослушного поведения, к каковым относятся Скандинавские страны, такой феномен не выявлен.

Результаты международных компаративных исследований. Исследования, которые были проведены автором касательно наличия на рынке Финляндии кластера услуг аналогичного фрикативно-фейковому в русскоязычном поле постсоветских стран, доказывают это утверждение.

Вопросы, направленные на «узнаваемость» услуг по написанию за студента, магистранта его самостоятельной работы профессиональными исполнителями, наличие компаний, специализирующихся в этой сфере, не понятны ни финским студентам, ни финским преподавателям. Дальше понимания классического кейса плагиата, когда в работе идет повтор авторской прежней работы или заимствован текст из трудов иного автора, дело в уяснении смысла анкетных вопросов касательно ФФК финскими респондентами не продвигалось.

Констатированы реакции искреннего изумления смысла таковых услуг, причем именно с точки зрения спроса. В правопослушной и прагматичной финской ментальности не укладывается целесообразность покупки таких услуг. Зачем представлять не свою работу, если ты сам учишься для конкретных прикладных целей.

Следует заметить, что традиции практик «списывания» закладываются еще в школе. Главная причина – сложные задания, ориентация на оценку. В финских школах учебный процесс выстроен так, что ученику нет необходимости прибегать к несамостоятельности и «списывать». Обучаемый выступает активным самостоятельным актором во всех заданиях образовательного процесса, причем на всех уровнях финской системы образования.

В постсоветском образовательном пространстве, отличающемся от финской модели нравственно-этической и учебной культуры, имеет место укоренившийся еще со школы учебный паттерн «списывания». Как правило, такие кейсы складываются по причине того, что школьнику сложно, а порой невозможно выполнить задание самостоятельно. И этот паттерн школьного поведения далее проявляется и закрепляется в индивидуальных практиках несамостоятельности в процессе вузовского обучения. В учебной культуре интенция на несамостоятельность изначально закладывается еще в школе и уже в вузовской практике она переходит в сопроводительные процессы, связанные со шпаргалками, в богатом многообразии их цифровых разновидностей.

При цифровом обеспечении современного гаджетного разнообразия феномен несамостоятельности выходит на новый качественный уровень. Процесс формирования мотивации, спроса на фрикативно-фейковые услуги в русскоязычном образовательном пространстве требует глубоко системного изучения в целях не только понимания его истоков, но и в связи со стратегической необходимостью выяснения перспективных путей перезагрузки учебного процесса так, чтобы не было самой потребности в таких фрикативных формах учебной деятельности.

Пример Финляндии показывает, что в институциях всех уровней системы финского образования учебный процесс направлен именно на освоение обучаемым доступного, простого, понятного и аттрактивного дидактического контента. Мотивация включена в его деятельностный регламент, а не нацелена на диплом как таковой [4; 5; 14].

Существенное значение для понимания специфики современной среды университетского поля имеет анализ профессионального поля исполнителей услуг во фрикативно-фейковом кластере. Это, как правило, люди, профессионально занятые в сфере научного, научно-редакторского труда.

В связи с наличием спроса, с одной стороны, и крайне низких зарплат в вузе – с другой, преподаватель на определенной ступени карьерного развития, профессиональной самооценки и сравнительно низкого уровня доходов задумывается над социально-экономическими индикаторами системы вознаграждения за свой труд.

Тем более это сопряжено с нивелировкой статуса индивида под доминирующие в обществе ценности, когда стыдно быть бедным. Анализ фактических зарплат преподавателей вуза и научных работников показывает, что они относятся в большинстве своем к категории «новых бедных». Кстати, именно в парадигме повышения динамики продаж и кредитного сервиса закинута расхожая фраза: «Если ты такой умный, то почему ты такой бедный», метко «цепляющая» на свой крючок всех, кто, обладая высоким интеллектуальным образовательным бэкграундом, оказывался за чертой нормального достатка, в рамках которого возможны уверенность в себе как экономически устойчивой финансово самостоятельной личности.

Расцвет ФФК приходится на самый пик университетских реформ конца десятих, начала двадцатых годов текущего столетия. Вузовский преподаватель, что называется, «с утра до ночи» беспрестанно выполняет всевозможные регламенты по формальным требованиям оформления учебных документов, при этом он еще и читает лекции, принимает экзамены, проводит консультации. Все время надо что-то переделывать, причем формальное и утомительное.

Если на этом фоне возникают кризисы профессиональной идентичности, то специалист уходит из вуза в иные структуры, в бизнес, в сферу продаж. И вполне логично по причинам экономической целесообразности и в условиях перезагрузки ценностей совершить «делку с совестью» и осуществить исход во ФФК образовательных услуг, когда профессионалу умственного труда предоставляется возможность заработать сумму, равную его месячной зарплате, создав авторское произведение типа «выпускная квалификационная» или «курсовая» работа. По профессиональным действиям ему все понятно, доступно, входит в круг его компетенций.

Начинается этот процесс в ряде случаев сначала без отрыва от университетской работы, анонимно, для студентов других вузов, а потом возможно и полностью уйти в этот этически сомнительный, но финансово и организационно более убедительный сектор трудовой деятельности. Как правило, многие представители «исполнительского» крыла ФФК трудятся без отрыва от университетских практик. Автор настоятельно обращает внимание на то, что причины исхода некоторых категорий интеллектуалов в ряд исполнителей кластера «заместительного авторства» научно-исследовательских и учебных работ детерминированы исключительно социально-экономическими причинами.

Живя уже много лет в Финляндии и работая в сфере исследований образования и науки, автор представить себе не может, чтобы в рамках профессио-

нальной деятельности финского преподавателя вуза возникла хотя бы мало-мальски схожая ситуация, чтобы он вдруг принял решение написать за кого-то научно-исследовательскую работу «за деньги». Это абсурдно и невыносимо!

Оставим за скобками факт полного отсутствия запроса на такой сервис. Здесь дело в другом. Финский преподаватель никогда так не поступит, потому что для этого нет никаких социально-экономических условий. Высокая социальная защищенность, высокая заработная плата – все это позволяет вести достойный образ жизни, чувствовать себя профессионально и социально самодостаточно, не задумываться о применении своего интеллектуального и профессионального потенциала на деструкции и девиации, детерминированные бедностью и чувством стыда, что ты беден.

Автор в ходе многолетних сравнительных исследований сферы вузовских научно ориентированных и образовательных практик в университетах России, Казахстана, Финляндии пришел к следующему выводу.

Наличие ФФК на рынке образовательных услуг постсоветских стран в первую очередь детерминировано социально-экономическими факторами низких уровней дохода населения в целом, рисками и угрозами исхода большинства представителей университетского корпуса преподавателей на социальном лифте экономического благосостояния в социальную категорию «новые бедные». В качестве механизма индивидуальной самозащиты и инструмента сопротивления негативному тренду социально-экономического движения интеллектуалов науки и образования в социальную когорту «новые бедные» выступают их латентные практики в рамках «заместительного авторства».

На фоне устойчивого закрепления в общественном сознании ценностей и нравственных императивов социума массового потребления, детерминирующих трансформацию канонов социальной успешности, складываются предпосылки для формирования социально-психологического и этически оправданного обоснования профессиональной деятельности в сфере ФФК. Наличие ФФК в той или иной системе высшего образования и наук, в первую очередь, является признаком системного кризиса не только системы образования, но и системы социальной защищенности граждан в целом, признаком проблемных деструкций на страновом уровне.

Здесь поднят чрезвычайно этически тонкий и хрупкий вопрос о причинах исхода некоторых специалистов интеллектуального корпуса в ряд исполнителей кластера «заместительного авторства» научно-исследовательских и учебных работ. По мнению автора, чтобы правильно понять его подлинные причины, истоки, угрозы, риски, его следует обсуждать исключительно в формате ДСП – «для служебного пользования» – только внутри цехового университетского сообщества. А возможно, вообще бессмысленно предавать огласке, так как это будет истолковано не в пользу университета и науки.

И так уже критики университетских практик предостаточно, и зачастую это критика ради критики или утилитарных политических задач, но не ради поиска конструктивных мер и адекватных решений. А проведение исследований в рамках поднятого на этих страницах вопроса может стать дополнительным материалом для трансформаций в «никуда». В данной статье автор размышляет над

тем, что есть «здесь и сейчас» в университетской научно-исследовательской работе студента (НИРС) как компоненте учебного процесса вуза. НИРС как социальный процесс терпит глубочайший кризис. Аббревиатура СРС (самостоятельная работа студента или слушателя) введена с болонских перезагрузок учебного процесса.

Как так получилось, что в процессе болонских трансформаций в постсоветских странах самостоятельная работа студента, научно-исследовательская работа магистранта, нормативно прописанная и закреплённая в учебной нагрузке, на практике дала деструктивную мутацию в виде купли-продажи этих самых СРС во всем их разнообразии, включая и вполне достойное качество. В таких условиях задача покупателя (студента) успешно реализовать потом купленный им продукт «заместительного авторства» в учебном процессе и получить в итоге желаемый диплом / сертификацию.

Возможно, причиной таких искажения и деформации является и излишняя усложненность формальных требований, объем неинтересных письменных заданий, превышающий иногда пределы разумного. Существенной причиной спроса со стороны студенчества на фейковые услуги «заместительного авторства» является и тот факт, что современный академический запрос в части форматов студенческих самостоятельных работ был сформирован для студентов поколения беби-бумеров, поколения X.

Уже с середины 90-х гг. многие представители студенческой когорты поколения Y начали «спотыкаться» об этот регламент требований. Для поколения Z форматы требований к СРС, дипломным работам как к большим письменным текстам, с особым регламентом оформления по шрифтам, кеглям, размерам межстрочных интервалов, полей, ссылок, списком литературы, оформленному по особым стандартам, специфике академического стиля являются, увы, «месседжем из прошлого». Многие именно поэтому отказываются их выполнять.

Этот протест пассивно выражается в их обращении к услугам ФФК, где можно «купить все» из обильного ряда академических заданий, наполняющих объемы академической нагрузки вида «самостоятельная работа» во всем их многообразии. Так формируется целевая покупательская группа ФФК.

Одной из главных причин формирования «исполнительской» группы на рынке услуг «заместительного авторства» являются социально-экономические факторы низких доходов профессорско-преподавательского состава. В настоящее время во многих постсоветских странах «в зачет» научного бэкграунда принимаются только «скопусовские» и иные аналоговые ему по издательской презентабельности публикации. Коммерциализация под флагом «мировые стандарты» прошла как-то незаметно и даже пафосно. Интеграция в мировое образовательное пространство в итоге выразилась в том, что каждый преподаватель вуза, для того, чтобы его отчет по научной работе был принят, вынужден делать за собственный счет публикации в дорогостоящих международных рейтинговых изданиях.

В США, Европе за свой счет издаются единицы из представителей ученого мира. Все оплачивает университет либо иные донорские структуры. Преподаватель университета из постсоветского пространства должен практически две

зарплаты, как минимум, отдать за такую публикацию. Безусловно, это не может не сказаться на возникновении предпосылок к порочному кругу, который и проявляется в коррупционных прецедентах, с одной стороны, и в исходе некоторой части ППС в исполнительный ряд провайдеров услуг «заместительного авторства» – с другой.

Автор с глубоким уважением относится к университетскому корпусу преподавателей, к студенческой аудитории. Его мнение заключается в следующем.

Поскольку такой феномен, как «гострайтинговый» кластер фриктивно-фейковых услуг «заместительного авторства», сложился, укрепился и процветает, если уже много лет в образовательном пространстве постсоветских стран есть устойчивый спрос на «выполнение под заказ» курсовых, дипломных диссертационных работ, если сформировался корпус исполнителей, работающих или работавших в вузах и выполняющих эти работы, то, значит, «что-то пошло не так» в самом университетском процессе. Сводить все только к правовой культуре, несознательности, иным умозрительным этическим дефинициям и морально-нравственным сентенциям – это не решение проблемы.

Наличие на рынке образовательных услуг устойчивого кластера фриктивно-фейкового «заместительного авторства» является показателем глубинных системных деструкций в самом образовательном процессе, в социальном окружении университетского сообщества в целом.

Искоренить спрос – предложение в части услуг устойчивого кластера фриктивно-фейкового «заместительного авторства» одной только «запретительной» методой не возможно. Это внешние признаки «болезни», причины – глубже. И их исключительно надзорно-контролирующими, порицающими и наказательными практиками не решить.

Феномен «гострайтингового» кластера образовательных услуг следует исследовать глубже, выясняя, какие необходимы ключевые направления перезагрузки всей системы, чтобы пропал спрос на эти услуги. Мелочей здесь нет. Важно все: набор студентов, контенты учебных дисциплин, качество методов преподавания, адекватность методов организации и администрирования, разумность требований к итоговым компетенциям и итоговым работам выпускников, пропорциональность требований научной аттестации ППС и их зарплат.

Автор тщательно изучал тему фриктивно-фейкового запроса в Финляндии. Нет ее в этой стране. В финской школе не списывают. Это стыдно, это неприлично, это осуждается сверстниками. В вузах каждый сам делает свои учебные работы, что в бакалавриате, что в магистратуре, не говоря уже о докторантуре PhD. И так происходит не только потому, что в Финляндии иная правовая и нравственно-этическая культура. Отсутствие «гострайтингового» кластера образовательных услуг в Финляндии детерминировано, в первую очередь, другой траекторией учебного процесса в целом, который выстроен на иной педагогической парадигме, иной модели. Причем иммерсинг в эту модель стартует уже с детского сада, с пред-школы. Особую роль в эффективности успешной работы этих моделей играет социально-экономическая и социально-психологическая среда, в условиях которой происходит реализация учебного процесса в финских учебных заведениях.

В чем причина, почему «гострайтинговый» кластер есть в университетских моделях одних стран, и полностью отсутствует в других странах? Причем в первых странах студентам и преподавателям непонятен даже его смысл.

Наша гипотеза – это во многом зависит от учебной культуры, учебной традиции, учебных стереотипов поведения и мотивации, складывающихся с самого начала их становления, укрепляющихся далее на стадии их формирования и прочно транслирующихся на последующих стадиях развития. Наличие «гострайтингового» кластера образовательных услуг в некоторых постсоветских странах есть следствие гипертрофии академизации учебных работ там, где она не совсем уместна в образовательном процессе. Примитивизировать нельзя! Но упрощать – стратегически необходимо. Не следует смешивать примитивность и простоту.

Заключение и приглашение к дискуссии. Итак, излишняя «академизация» учебных заданий для студентов поколения Z, изощренная «забюрокращенность» учебно-методического и аттестационного процессов, низкие зарплаты, необходимость оплаты из собственных средств дорогостоящих «скопсовских» публикаций провоцируют латентную турбулентность университетских практик в целом.

Инициативы реформ и интеграции в мировое образовательное пространство в процессе практических трансформаций в постсоветских странах нашли частное выражение в определенном административном прессинге касательно наличия публикаций в дорогостоящих зарубежных рейтинговых научных издательствах у каждого преподавателя, докторанта.

Также реформационный процесс, актуальность которого неоспорима, пошел таким образом, что стали систематически возникать штатные деструкции социальной повседневности университетской жизни, переполненной «ускорительными» и авральными ситуациям, в которых что-то нужно срочно сделать, потом незамедлительно переделать и, возможно, еще и не один раз. Такая социально-психологическая напряженность в сочетании с низкими доходами широкой массы преподавателей детерминирует их неблагоприятное социальное самочувствие, неудовлетворенность своим самоидентификационным статусом.

Деструктивные последствия трансформационных процессов в университетской среде провоцируют вытеснение академического персонала и профессуры с высокими этическими и профессиональными качествами. Турбулентные процессы, детерминирующие безукоснительную обязательность публикаций в мировых рейтинговых издательствах и изданиях по цене, близкой к двум преподавательским зарплатам на фоне интенсивно забюрокращенного процесса, выступают как специфические «фильтры».

В вузе остаются «закаленные борцы», преданные делу университета. И как-то так получается, остаются и те, кто по тем или иным личностным причинам могут для себя обосновать этическую приемлемость написания за студента или докторанта (как правило, другого вуза) его работы, не вступая в конфликт с самим собой. Автор еще раз подчеркивает, что это очень деликатная тема.

В ее обсуждение крайне бесполезно раньше времени пускать ни политиков, ни журналистов. Сначала важно разобраться спокойно, объективно, профессио-

нально внутри университетского цехового круга. Ответ на этот вопрос глазами экспертов от вузовских практик сможет помочь найти конструктивные пути элиминации ФФК, включая как перевод его в конструктивные формы репетиторских практик, так и значительное снижение спроса и предложения на его услуги.

Каковы перспективы снижения и исчезновения спроса и предложения на рынке услуг «заместительного авторства» в части научных и учебных работ – вопрос на сегодня остается открытым.

В статье автор ставит этот вопрос для инициирования полемики и согласований внутри профессионального общения университетского пространства постсоветских стран. Это узкий, этически тонкий и глубоко профессиональный вопрос. Он понятен тем, кто внутри университетских взаимодействий. Внешние стейкхолдеры в этом увидят только негатив и отличную почву для дальнейшего критического разноса в пух и прах системы высшего образования. Повторяем, важно безоценочно выяснить глубинные причины существования такого феномена, как фрикативно-фейковый кластер заместительного авторства в области учебных и научных работ на постсоветском пространстве. Для его элиминации только запретительные или порицающие меры неэффективны.

Автор осознает риск продолжения таких исследований по причине высокой степени угроз политизации и искажения смысла полученных результатов, выдергивания исходных идей из общего контента для целевого применения в последующей доказательной практике несостоятельности профессионального корпуса русскоязычной науки.

В качестве исходной причины необходимости продолжения таких исследований выступает следующий тезис. Интеллектуальный и фундаментальный потенциал русскоязычной науки имеет мощное преимущество перед многими продвигаемыми ныне глобальными моделями и транснациональными подходами перезагрузки научного пространства. Проблема, поднятая в данной статье, является доказательным примером значимости круга экспертов, включенных в процесс анализа текущих ситуаций и поиска конструктивных путей решения.

Необходимо политически непредвзято усилить риторику конструктивного аналитического дискурса касательно русскоязычного пространства образования и науки на мировой арене состязательности образовательных моделей и научных парадигм. Актуально системное продвижение методологии, теоретической фундаментальности, академической основательности русскоязычной науки и образования. В этом процессе нет мелочей.

Список литературы

1. Балашов В. В. Социально-психологические закономерности формирования позитивных ожиданий студенчества по отношению к научно-исследовательской деятельности / В. В. Балашов // Вестник университета. 2012. № 2. С. 348–353.
2. Бессмертная Е. Р. Академическое мошенничество в университетах: можно ли ему противодействовать? / Е. Р. Бессмертная // Дискуссия. 2016. № 11. С. 94–102.
3. Брумштейн Ю. М. Российский рынок заказных диссертаций в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий / Ю. М. Брумштейн, Е. Ю. Снежинская // Вестник евразийской науки. 2018. № 1. С. 1–21.

4. Ванхемпинг Э. Г. Дизайн образования в парадигме «Университет 4.0» : монография / Э. Г. Ванхемпинг, Н. А. Иванищева, Е. И. Петренко. Санкт-Петербург, 2021. 227 с.
5. Ванхемпинг Э. Г. Инновационные практики и гражданские инициативы в образовании поколения Z : монография / Э. Г. Ванхемпинг, М. А. Новак. Санкт-Петербург, 2020. 246 с.
6. Гейхман Л. К. Дискурс научного текста – взаимодействие автора с идеями других людей / Л. К. Гейхман // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 2. С. 97–110.
7. Голунов С. В. Студенческий плагиат как вызов системе высшего образования в России и за рубежом / С. В. Голунов // Вопросы образования. 2010. № 3. С. 243–257.
8. Давыдов А. «Этнография туфты». Кто и как пишет заказные работы в России / А. Давыдов, П. Абрамов. Москва, 2021. 176 с.
9. Прокофьев А. В. О моральном значении стыда / А. В. Прокофьев // Этическая мысль. 2016. Т. 16. № 2. С. 107
10. Тойшибекова А. Стыд. Для того, чтобы вызвать на себя гнев, достаточно просто существовать [Электронный ресурс] / А. Тойшибекова // «vlast.kz». 2018. 25 августа. Электрон. дан. URL: <https://vlast.kz/obsshestvo/29121-styd.html> (дата обращения: 12.01.2022).
11. Яковлев В. Ф. Противодействие академической нечестности студентов при дистанционном обучении / В. Ф. Яковлев // Открытое и дистанционное образование. 2016. № 1. С. 14–19.
12. Яковлев В. Ф. Современные методы противодействия академическому мошенничеству студентов при дистанционном обучении / В. Ф. Яковлев // Педагогические науки. 2021. № 68. С. 296–302.
13. Maloshonok N., Shmeleva E. Factors Influencing Academic Dishonesty among Undergraduate Students at Russian Universities // Journal of Academic Ethics. 2019. Vol. 17. P. 313–329.
14. Ванхемпинг Э. Г. Теоретико-методологические основания результативности трансфера финских социальных и образовательных технологий в постсоветские страны [Электронный ресурс] / Э. Г. Ванхемпинг, Х. Китинойя // Непрерывное образование: XXI век. 2019. № 4. Электрон. дан. DOI: 10.15393/j5.art.2019.5147 (дата обращения: 12.01.2022).
15. Колесникова И. А. «Академический гострайтинг»: рынок имитации научно-образовательной активности [Электронный ресурс] / И. А. Колесникова // Непрерывное образование: XXI век. 2017. № 2. С. 1–22. Электрон. дан. DOI: 10.15393/j5.art.2017.3509 (дата обращения: 12.01.2022).
16. Шмелева Е. Д. Академическое мошенничество среди студентов российских вузов: масштаб и факторы : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Шмелева Евгения Дмитриевна. Москва, 2021. 157 с.
17. Chirikov I., Shmeleva E., Loyalka P. The role of faculty in reducing academic dishonesty among engineering students [Electronic resource] // Studies in Higher Education. 2019. № 45. P. 2464–2480. DOI: <https://doi.org/10.1080/03075079.2019.1616169>

References

1. Balashov V. V. Socio-psychological regularities of forming positive expectations of students in relation to research activities. In: *Vestnik universiteta*. 2012. № 2. P. 348–353. (In Russ.)
2. Bessmertnaya E. R. Academic fraud in universities: is it possible to counteract it? In: *Diskussiya*. 2016. № 11. P. 94–102. (In Russ.)
3. Brumstein Yu. M., Snezhinskaya E. Yu. The Russian market of customized dissertations in the conditions of development of information and telecommunication technologies. In: *Vestnik evrazijskoj nauki*. 2018. № 1. P. 1–21. (In Russ.)
4. Vanhemping E. G., Ivanishcheva N. A., Petrenko E. I. Design of education in the paradigm «University 4.0» : monograph. Saint-Petersburg, 2021. 227 p. (In Russ.)
5. Vanhemping E. G., Novak M. A. Innovative practices and civic initiatives in Generation Z education : monograph. Saint-Petersburg, 2020. 246 p. (In Russ.)

6. Geikhman L. K. The discourse of a scientific text - the author's interaction with the ideas of other people. In: *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaneya i pedagogiki*. 2017. № 2. P. 97–110. (In Russ.)
7. Golunov S. V. Student plagiarism as a challenge to the system of higher education in Russia and abroad. In: *Voprosy obrazovaniya*. 2010. № 3. P. 243–257. (In Russ.)
8. Davydov A., Abramov P. «Ethnography of bullshit». Who and how writes commissioned works in Russia. Moscow, 2021. 176 p. (In Russ.)
9. Prokofiev A. V. On the moral meaning of shame. In: *Eticheskaya mysl*. 2016. Vol. 16. № 2. P. 107. (In Russ.)
10. Toishibekova A. Shame. In order to provoke anger, it is enough just to exist [Electronic resource]. In: «*vlast.kz*». 2018. August 25. Electron. dan. URL: <https://vlast.kz/obsshestvo/29121-styd.html> (date of access: 12.01.2022). (In Russ.)
11. Yakovlev V. F. Countering academic dishonesty of students in distance learning. In: *Otkrytoe i distancionnoe obrazovanie*. 2016. № 1. P. 14–19. (In Russ.)
12. Yakovlev V. F. Modern methods of countering academic fraud of students in distance learning. In: *Pedagogicheskie nauki*. 2021. № 68. P. 296–302. (In Russ.)
13. Maloshonok N., Shmeleva E. Factors Influencing Academic Dishonesty among Undergraduate Students at Russian Universities. In: *Journal of Academic Ethics*. 2019. Vol. 17. P. 313–329.
14. Vanhemping E. G., Kitinoya H. Theoretical and methodological foundations of the effectiveness of the transfer of Finnish social and educational technologies to post-Soviet countries. [Electronic resource]. In: *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek [Lifelong education: the 21st century]*. 2019. № 4. Electron dan. DOI: 10.15393/j5.art.2019.5147 (date of access: 12.01.2022). (In Russ.)
15. Kolesnikova I. A. «Academic state writing»: the market of imitation of scientific and educational activity [Electronic resource]. In: *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek [Lifelong education: the 21st century]*. 2017. № 2. Electron dan. DOI: 10.15393/j5.art.2017.3509 (date of access: 12.01.2022). (In Russ.)
16. Shmeleva E. D. Akademicheskoe moshennichestvo sredi studentov rossijskih vuzov: masshtab i factory : dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 / Shmeleva Evgeniya Dmitrievna. Moscow, 2021. 157 p. (In Russ.)
17. Chirikov I., Shmeleva E., Loyalka P. The role of faculty in reducing academic dishonesty among engineering students [Electronic resource]. In: *Studies in Higher Education*. 2019. № 45. P. 2464–2480. Electron dan. DOI: <https://doi.org/10.1080/03075079.2019.1616169> (date of access: 12.01.2022).